Их рты мягко раскрылись навстречу друг другу, нежно, нуждаясь в этом. Его рука сама собой потянулась к ее плоти, инстинктивно потянулась к ее мягкости. Она застонала в ответ и легла на спину, свесив руки, предлагая себя его обожанию. Его руки слепо блуждали по ней, исследуя соски, ткани груди, ребра и ключицы, впадины и углубления, ее шею, губы, ее нечесаные волосы, распускающиеся, как корона славы, вокруг ее головы, ее нежное ухо, похожее на раковину. Он наклонил голову и поцеловал ее соски, беря их в рот и удивляясь, откуда он знает, что делает, - он никогда не заходил так далеко, но сейчас, в этой сказочной лунной постели, казалось, что все возможно.

Когда Гермиона вскрикнула от вожделения, а её ноги начали двигаться, а бёдра выгибаться, Гарри снова почувствовал запах, в чистом неразбавленном виде, того, на что раньше он ощущал лишь слабый намёк. Ее секс, подумал он. Он был настолько тверд, что думал, что может кончить прямо на месте, но знал, что сначала хочет увидеть ее разрядку. Он понятия не имел, как все это работает, и подумал, не стоило ли ему потратить больше времени на чтение той нелепой книги, которую Рон подарил ему на день рождения в прошлом году, о безотказных способах приворожить ведьму. Там могла быть схема или что-то в этом роде.

Его мозг работал не слишком хорошо, поэтому он позволил своему телу взять верх, и магия его инстинкта взревела. Это было правильно, это было идеально, говорила ему магия. Он отбросил спальный мешок, чтобы больше его кожи касалось ее. Он захватил одну из ее ног между своими, сжал ее, вдавливая свою эрекцию в мягкость ее верхней части бедра. Его рука медленно спускалась к стыку ног Гермионы, а он продолжал исследовать ртом и другой рукой текстуру и упругость ее сосков. Она схватила его блуждающую руку и потянула вниз, к внутренней стороне бедра, а затем вверх, под одну из штанин своих свободных, коротких шорт. Они оба задохнулись от прикосновения, когда правая рука Гарри обнаружила новую территорию. Гермиона прижалась к нему, проводя пальцами то туда, то сюда. Целовала его, хваталась за плечо, за шею.

Влажность была шелковистой и невероятной. Она чувствовала себя экзотическим тропическим цветком, утопающим в соусе восхитительного пудинга. Это было чуждо, завораживающе, мистически. Она подвела его к отверстию, очевидно, источнику влаги, так как его пальцы тут же намокли. Он осторожно исследовал мягкие нежные боковые складочки, что, судя по ее вздохам, ей очень понравилось. Он поднял голову от ее груди, чтобы посмотреть на ее лицо, когда она поманила его руку чуть выше и прямо в середину.

Он нащупал любопытный маленький драгоценный бугорок на самом верху ее складок и был поражен ее великолепной реакцией на его прикосновения в этом месте. О да, это должно быть то самое место, о котором близнецы шутили после тренировки по квиддичу, и после этого эпизода он уловил ещё много намеков на тайну наслаждения этой ведьмы. Важно было найти это место и прикоснуться к нему как следует. Он внимательно следил за реакцией Гермионы, вытягивая ещё больше соков снизу и нежно смазывая ручку, экспериментируя с различными давлениями, углами и темпами, оценивая её реакцию, постукивая, щёлкая, массируя, надавливая сильно или слегка, прямо или косвенно, следя за её реакцией, чтобы свести её с ума всё больше и больше.

Вскоре Гермиона была готова. Гарри ощутил великую торжественную сакральность при виде того, как она теряет контроль над собой. Она задыхалась и ритмично, изящно извивалась под ним, ее кожа пылала от жара. Он чувствовал, что она близка к чему-то поистине взрывному.

Внезапно ему захотелось связаться с её разумом, убедиться, что она действительно с ним, что она действительно знает, что выбирает именно его, а не кого-то другого, что этот момент - реальность, а не сон.

"Гермиона, - хрипло прошептал он ей на ухо, безрассудно храбрясь в своем сердце, не желая ничего сдерживать. "Я так хочу тебя. Я люблю тебя, Гермиона. Скажи мое имя, Гермиона. Скажи, что ты моя".

"Да, Гарри!" - закричала она, - "О боги, да, Гарри, это ты, это ты, Гарри, я люблю тебя, я твоя, о боже, держи меня, Гарри, я..." - и она сорвалась на крик, дико извиваясь под его рукой, ее шорты были разорваны, а соки текли повсюду.

Гарри больше не мог сдерживаться и вдавил в нее свою промежность, уперся бедрами в ее бока, кончая с ослепительной силой, и почувствовал запах своей эякуляции, смешавшийся с запахом ее соков. Его собственные липкие выделения распространились по трусам-боксерам.

Не обращая внимания на беспорядок и мокрую правую руку, Гарри обхватил её обеими руками, притягивая к себе так близко, как только мог, не заживляя проклятый синяк. Он безумно целовал её во всё лицо, оба тяжело дышали, а Гермиона, содрогаясь от непрекращающихся толчков сильного оргазма, сжимала ноги и сладостно задыхалась. Наконец, все еще прижавшись друг к другу, Гарри медленно уложил их на бок лицом друг к другу. Их тела прижались друг к другу по всей длине, одна из ног Гермионы обхватила желобок над его бёдрами. Так и должно было быть, удовлетворенно подумал Гарри, в порыве страсти вновь прижимая к себе ее восхитительную попку, а мягкость ее грудей - чуть выше отметки на его груди. Он расслабился, и они прижались друг к другу, испустив глубокий вздох удовлетворения. Постель, спальные мешки и одежда нуждались в сильной чистке и настоящем душе для них двоих, но не сейчас, не сейчас. Эта радость, этот лунный свет - он хотел жить здесь вечно. "Гермиона, любимая", - прошептал он так тихо, что его почти не было слышно.

Гермиона положила нижнюю руку под голову Гарри, а верхней обхватила его спину, исследуя плоскость лопаток, и снова притянула его к себе. Гарри наслаждался ощущением её объятий, затем слегка откинулся назад, чтобы видеть её лицо. Он с удивлением заметил, что из уголков ее глаз потекло несколько маленьких слезинок. Он смахнул их поцелуем и вопросительно посмотрел на нее.

"Жаль, что я не знала", - фыркнула Гермиона. "Мы могли бы быть так счастливы, так давно, если бы я только знала".

"Я тоже", - сказал Гарри, заправляя волосы ей за ухо. "Я не знал до вчерашнего дня, но когда до меня дошло, я не мог поверить, что был так слеп. Может, все было к лучшему. Сначала мы должны были выиграть войну, и никто из нас не мог позволить себе отвлечься от этой цели. Но теперь это сделано, и вот мы здесь. Это ты, Гермиона. Война окончена. Я хочу жить. Я хочу жить с тобой. Я никогда не отпущу тебя".

Она улыбнулась водянистой улыбкой и мягко, нежно поцеловала его в ответ, проводя

крошечными чмоками по его колючей небритой челюсти, и наконец медленно впилась мягкими губами в его припухшие губы. "Да, любовь моя", - прошептала она. "Да, это будем ты и я, вместе, всегда".

http://tl.rulate.ru/book/4209/125420